

КАНТИАНЦУ
ВЛАДИМИРУ
АЛЕКСАНДРОВИЧУ
ЖУЧКОВУ — 70

Философия Канта и кантоведение, в том числе и в первую очередь в форме неокантианства, приобрели в России необычайную популярность в конце XIX — начале XX века. Российскому сознанию явилась философия достоинства человеческого разума и единства человечества, обязанного своим преуспеванием, равно как и прозябанием, только самому себе, только своей активной деятельностью в творении себя и мира вокруг. Однако революционные события второго десятилетия XX века уничтожили кантианство в пору его юношеского цветения... увы, вместе с большинством кантианцев.

Второе пришествие кантоведения и кантианства произошло в середине

60-х годов XX века, в условиях «оттепели», и начало набирать ход с 1974 года, с 250-летнего юбилея И. Канта, впервые широко отмеченного в Советском Союзе. А второе пришествие — мы это понимаем — неизмеримо труднее первого, так как связано оно с прохождением через небытие. Как и первое, второе пришествие кантианства потребовало своих подвижников, одним из которых стал Владимир Александрович Жучков. Канта он стал изучать со студенческих лет в МГУ, затем в аспирантуре Института философии АН СССР и, оставшись в Институте после защиты кандидатской диссертации, продолжает заниматься этим всю свою жизнь. Всем знающим и любящим его ясно, что с дороги этой он уже никогда и никуда не свернет.

Однако вряд ли столь успешной была бы его деятельность, если бы российская культура не сохранила свое «реликтовое» семя, не дав ему исчезнуть бесповоротно. В почти анабиотической форме, но это семя жило и давало всходы... Учителем В.А. Жучкова был Валентин Фердинандович Асмус. Учитель и стал для Володи Жучкова путеводной звездой по жизни.

Я в этих строках в его честь буду называть его так на правах друга, сознавая, что официальные формы общения чужды его душе, поскольку они совершенно не то, что априорные формы чувственности, рассудка или разума... Официальные формы носят легальный характер, а он как истинный кантианец ценит моральные отношения.

Сделать Иммануила Канта, этого гениального профессора из Кёнигсберга, понятным для как можно большего круга людей — цель его жизни. Вот почему наряду с работами, посвященными интерпретации системы Канта как целого и ее труднейших аспектов, Володя Жучков отдает много сил изданию трудов великого философа, переводам на русский язык текстов, без которых многое в наследии Канта осталось бы за семью печатями, делает все для того, чтобы как можно удобнее было изучать и правильно понимать философию Канта, эту квинтэссенцию мировой философской мысли.

Своих учеников профессор Жучков любит удивить парадоксально звучащим обращением: «Господа, не читайте Канта!» Естественна ответная растерянность: «Как, почему?? Сами-

то Вы только этим, по сути дела, и занимаетесь?»

Просто он считает, что к такому ответственному шагу в жизни нельзя относиться необязательно, как к чему-то рядовому и обыденному: ну, почитал, ничего не понял и ... бросил. Результат вполне ожидаем. Но в итоге ты, может быть, лишаешь себя самого важного в своей жизни: совершить революцию в себе и стать личностью, приобретаешь в результате умопостигаемый характер, то есть от бесхарактерности перейти к поведению на основе твердых принципов. А значит, чтобы столь разочаровывающего следствия избежать, надо, чтобы решение читать Канта стало твердым решением твоей воли — раз, и надо к этому чтению подготовиться — два. Надо познакомиться с состоянием философии до Канта и с рецепцией его идей умными головами — после, как минимум.

Видимо, этим обусловлено самое пристальное внимание Жучкова как историка немецкой философии к периоду немецкого Просвещения вообще и творчеству Христиана Вольфа в частности.

Ему самому надо было разобраться в истоках коперниканского переворота в философии, свершенного Кантом, но не только... Надо обеспечить возможность подготовки к чтению Канта широкой публикой.

Я познакомился с ним, когда за день или два перед открытием I Всесоюзных Кантовских чтений, посвященных 250-летию автора великих «Критик...», он привез из Института философии бюст Канта для университетского музея Канта, открытие которого входило в программу юбилея. Для II Кантовских чтений им были привезены бюсты Фихте и Шеллинга. Как личную миссию, возложенную на себя обязанностями кантианца, воспринял Володя дело становления и развития кантоведения здесь, в Калининграде. Он помогал этому делу всеми силами, изобретая необходимые формы, не только лично выступая с докладами на всех конференциях, устраиваемых нами, но и пропагандируя их среди специалистов Москвы; он публиковал отчеты в журналах «Вопросы философии» и «Философские науки»; содействовал распространению «Кантовского сборника», когда это был еще ежегодник, а не журнал с возможностью подписки; обеспечивал взаимодействие с сектором западной философии Института философии Академии наук в совместных планах... То есть это был полномочный представитель калининградского кантоведения в столице.

По мере становления и укрепления калининградской кантоведческой школы, теперь уже в Балтийском федеральном университете имени Иммануила Канта, с формированием собственных молодых специалистов, возложенная им на себя миссия изменила формы, но не стала быть от этого менее необходимой.

Как человек целеустремленный и творческий и в то же время необычайно добрый, Володя Жучков обладает уникальным качеством поддерживать оптимизм в своих многочисленных друзьях и знакомых, когда обнаруживались в их делах какие-то трудности, казалось бы, совершенно не прилагая к тому никаких усилий. Московский дом его постоянно полон гостей, в том числе из провинции — и не потому, что невозможно найти приют в столице на два-три дня, а из стремления в эти дни более тесно пообщаться с ним, может быть, даже из подсознательного намерения получить эту дозу душевного оптимизма от его всегдашней деятельной энергии.

Владимир Александрович Жучков — это адепт дела Канта на земле в том виде, в каком свою миссию понимал сам гениальный философ. Он считал, что не завершил построение системы и она нуждается в дальнейшем совершенствовании и завершении. Но философия как таковая — система принципиально открытая в будущее, поскольку бесконечно познание бесконечного мира, поскольку не исключены новые *коперниканские перевороты*. Он обращал свое внимание на самые трудные вопросы кантоведения, такие, например, как свобода в качестве свойства не только мира нравов, но и природы в одно и то же время. Пожелаем ему и дальше нести свое служение на благо философии.

*Л. А. Калининков,
от имени редколлегии «Кантовского сборника»
и кафедры философии
Российского государственного университета им. И. Канта*